

Чай Цзыжань схватил его руку, затем закрыл лицо ладонями и зарыдал:

— У-у-у, жить не хочу! У-у-у-у!

Он всхлипнул несколько раз, но, увидев, что Мо Цзюцзюнь по-прежнему в ступоре, сбросил с себя синее одеяло и, обнажив белоснежное тело, обхватил того, крича:

— В последний раз спрашиваю: чьё тело лучше — моё или Юань Хана?

Авторское примечание:

Есть ли смельчаки, готовые оставить след?! Сюрпризы гарантированы, о-о-о-о!

Ладно, вряд ли найдутся. Пора спать!

Моя левая рука говорит правой: Спокойной ночи.

Мо Цзюцзюнь застыл, позволив Чай Цзыжаню взгромоздиться себе на бёдра, его руки беспомощно повисли в воздухе. По натуре он был холоден и всегда сохранял облик беспристрастного судьи, но сейчас сердце колотилось, губы шевелились, а сказать он ничего не мог. Горячая кожа жегла его, во рту пересохло, всё тело будто в огне, отчаянно жаждало воды... и спасения от кого-то.

Чай Цзыжань, видя, что ответа снова нет, а тело того уже нагрелось от его объятий и покрылось горячим потом, рявкнул:

— Говори, кто лучше!

Мо Цзюцзюнь, обхвативший белое и гладкое тело, резко сжал его, затем, вздрогнув, оттолкнул, вскочил и, спотыкаясь, бросился к двери, выкрикивая:

— Не знаю, не знаю, не знаю, не знаю!

Чай Цзыжань, оттолкнутый, растянулся на полу. Непривыкшая к соприкосновению с полом голая кожа слегка покраснела. Он подхватил валявшееся рядом синее одеяло и одолженную у Мо Цзюцзюня чёрную одежду, уставившись на чёрную спину, улепётывающую, будто от призрака. В сердце — бесконечная тоска.

— Неужели я так страшен? — пробормотал он себе под нос.

Погружённый в печаль, он наскоро оделся, а затем отыскал в спальне Мо Цзюцзюня роскошное зеркало, усыпанное жемчугом и самоцветами. Уставился на своё отражение и пробормотал:

— Ведь я — красавец, галантный молодой человек, что же тут не так? Может, у Мо Цзюцзюня вкус не как у людей, и он считает, что не только Лоу Юйцзэ меня красивее, но и Юань Хан хоть чуточку, да превосходит.

Он неуверенно предположил, что в глазах Мо Цзюцзюня Юань Хан, наверное, всего лишь чуточку привлекательнее его.

Нынешний план оказался провальным. Чай Цзыжань пожалел, что не велел Юань Хану вернуться и соблазнить Мо Цзюцзюня самому.

Весенний полдень был ясен, солнце сияло, зной смягчался лёгким ветерком, ласкавшим сердца жителей уезда Суюй и заставлявшим их с ещё большим недоумением взирать на реку Суюй. Собственно, в реке ничего примечательного не было. Примечателен был новый начальник уезда, стоящий по грудь в воде. Статный, руки за спиной, лицо строгое, глаза закрыты — вид имел справедливого и сурового. Лёгкая парчовая чёрная одежда развевалась в воде, обнажая вышитого на груди оскаленного серебряного волка, смотрелось это и величественно, и жалко одновременно.

Женщина с корзиной овощей спросила у Суй Ина, стоявшего рядом с начальником:

— Что с вашим-то начальником? Вешняя вода ещё холодящая, долго простоишь — простудиться недолго. Уж полчаса как в воде, вытащите его побыстрее!

Суй Ин, не меняясь в лице, глянул на Суй Фэна и стоял молча.

Суй Фэн сказал:

— Наш начальник высшую технику водяного духа постигает, в воде её и отрабатывать надо, иначе не преуспеть.

Женщина сморщила лоб:

— И такие техники бывают?

Начальник уезда в реке открыл глаза — взгляд дикий, убийственный, звериный, скользнул по собравшимся на берегах зевакам. Один паренёк ахнул:

— Не иначе как тайное боевое искусство постигает, боится, мы подглядим да сами тренироваться станем, вот и перебить нас хочет! — И дал дёру.

Простой люд на берегах, кто слова те услышал, — за ним, кто не услышал — тоже что-то заподозрили, да и взгляд у начальника звериный, да и волк серебряный на груди, до того сдвухшийся, а ныне, с господиновой мощью исходящей, будто ожил. Страшно стало, тоже побежали.

Суй Фэн, видя, что господин на берег вышел, смиренно в сторонке встал.

Мо Цзюцзюнь глянул на него:

— Где Юань Хан?

— В столице, в доме маркиза Синью, — ответил Суй Фэн.

Мо Цзюцзюнь, весь мокрый, утёр с лица воду и, направляясь к уездной управе, спросил:

— Ажань хочет, чтоб он вернулся?

— Господин Цзыжань ни разу не обмолвился, — ответил Суй Фэн. Подумав, добавил:

— Сегодня Чжан Хуахуа господину Цзыжаню сказала... — Взглянул на суровое лицо Мо Цзюцзюня, не сдержал улыбки, фыркнул. Спихватился, что бестактно, поспешно голову склонил.

Мо Цзюцзюнь, не обратив на это внимания, спросил:

— Что сказала?

— Чжан Хуахуа сказала господину Цзыжаню, что вы на цветок похожи.

Лицо Мо Цзюцзюня оставалось бесстрастным:

— Продолжай.

Суй Фэн, изо всех сил сдерживая смех:

— Господин Цзыжань, услышав, что вы на цветок похожи, спросил её, а он на цветок похож. Чжан Хуахуа ответила, что нет. Господин Цзыжань долго потом злился.

В глазах Мо Цзюцзюня мелькнула тёплая искорка:

— На него похоже, рассердиться из-за такого.

Он вспомнил, как Чай Цзыжань с праведным видом спрашивал, кто лучше — он или Юань Хан. Видно, всё из-за того, что он вовремя не ответил, что Чай Цзыжань красивее цветка. Вдруг с сердца камень упал. А то он думал, Чай Цзыжань по Юань Хану тоскует, хочет, чтоб тот вернулся да при нём состоял, потому и ответил тогда: «Юань Хан».

Спустя некоторое время Мо Цзюцзюнь, весь мокрый, вернулся в свои покои в уездной управе.

Чай Цзыжань шёл, едва касаясь земли, чёрные полы одежды болтались, при каждом шаге шаркая по полу. Подойдя к Мо Цзюцзюню, он бровью повёл, принял позу, полагая себя неотразимым:

— Как я в твоём-то облачении?

Мо Цзюцзюнь слегка взглянул. Чёрная одежда на том сидела мешковато, огромная серебряная волчья голова на груди, не успев оскалиться, уже вся помялась. Должна была смотреться солидно, но несерьёзное лицо превращало её в одеяние повеслы, а грозный волк — в большую дворнягу. Он усмехнулся:

— Замечательно!

Чай Цзыжань сразу оживился:

— А с тобой сравнить?

Тот, не отвечая, спросил:

— А с генералом-основателем сравнить?

— Он мне отец, я, конечно, с ним не сравнюсь, — едва выговорил это, Чай Цзыжань уже набычился, схватил Мо Цзюцзюня за воротник, так и норовил приподнять да отдубасить:

— Ах ты, щенок, вздумал надо мной измываться! Да где тебе, негодяю, до моего отца!

Мо Цзюцзюнь не разозлился, рассмеялся:

— Не я с ним, а ты с ним сравниваюсь.

Чай Цзыжань в голове несколько петель провернул, мысленно Мо Цюцзюня за хитрость обругал, но, сознавая свою неправоту, воротник отпустил, одежду на том аккуратно поправил. Уселся перед ним и спросил:

— Вот если бы я раздетый на твою кровать лёг, что бы ты сделал?

Мо Цюцзюнь остолбенел, стряхнул с чёрной одежды воду:

— Холодает. Пойду переоденусь.

Чай Цзыжань, нахмурившись, смотрел всему его, казалось бы, бегущей фигуре и спросил Суй Фэна:

— Он же только что в реке Суюй купался, как в мокрую курицу превратился?

Суй Фэн, ямочки на щеках проступили:

— Господин купаться любит!

Чай Цзыжань просто так спросил, не думал, что тот и впрямь в реке Суюй купаться ходил. Глядя на тень за поэтической ширмой, хоть и крепкого сложения, не удержался, свистнул, поддразнивая:

— Красотка!

Человек за ширмой замер, одеваться стал быстрее. Чай Цзыжань подбородок на руку подпер, задумался. Не ожидал, что за годы разлуки Мо Цюцзюнь такие причуды в себе развил. Нравится ему Лоу Юйцзэ, нравится Юань Хан, а он — нет. Чай Цзыжань с этим смириться не мог. В детстве Мо Цюцзюнь, хоть и на год старше был, за ним хвостиком бегал, личико строгое, но обмануть его — проще простого.

Пока Чай Цзыжань в воспоминаниях купался, Мо Цюцзюнь уже из-за ширмы вышел. Чай Цзыжань смущённо на ширму пальцем указал:

— Ты же всегда мечи да алебарды любил, когда это ты изящным заинтересовался? Я-то думал, у тебя на ширмах эротические рисунки мужской любви изображены.

Мо Цюцзюнь голову повернул, на поэтическую ширму серьёзно посмотрел:

— Это последняя картина, что отец мне нарисовал.

<http://bllate.org/book/15931/1423904>